Бородин В. В., Фурман Ф. П.

Административно-правовое воздействие на лиц, подозреваемых в экстремизме

*Borodin V. V., Furman F. P. Administrative and Legal Impact on Persons
Suspected of Extremism*

В статье рассмотрены актуальные вопросы привлечения лиц к ответственности за совершение правонарушений, предусмотренных нормами Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Проводится детальный анализ практики правоприменения пограничных норм ст. 280 Уголовного кодекса РФ, ст. 282 Уголовного кодекса РФ. Предлагается распространить институт обязательной административной преюдиции на норму ст. 280 Уголовного кодекса РФ.

Ключевые слова: административная преюдиция, административная ответственность, экстремизм, экстремистская деятельность, наказуемость, объективный состав, принципы правового регулирования, предупреждение.

The article examines topical issues of prosecution for committing extremist offenses provided for by the provisions of Federal Law No. 114. A detailed analysis of the practice of law enforcement of the border norms of Art. 280 of the Criminal Code of the Russian Federation, Art. 282 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is proposed to extend the institution of compulsory administrative precedence to the norm of Art. 280 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: administrative prejudice, administrative responsibility, extremism, extremist activity, punishability, objective composition, principles of legal regulation, prevention.

Проблема административно-правового воздействия в отношении лиц, совершивших нарушения законодательства, не является новой в отечественной юридической науке и практике. Ее изучением занимались такие ученые, как Р. Б. Границкий [1], Е. Н. Пашкова [2], О. Г. Горскина [3]. Особенность административно-правового воздействия на правонарушителей заключается в применении к ним

Бородин Виктор Васильевич — профессор кафедры конституционного и международного права юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ.

Фурман Феликс Павлович — профессор кафедры теории и истории государства и права Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова, доктор философских наук, профессор.

© Бородин В. В., Фурман Ф. П., 2021

ограниченного перечня мер и способов воздействия, которые хотя и являются принудительными, но имеют невысокую степень императивности и репрессивности.

Чтобы определить смысл и цель назначения административно-правовых мер воздействия на правонарушителей, необходимо понять и охарактеризовать правовую природу нарушения законодательства. Законодательство об экстремизме включает в себя небольшой круг нормативно-правовых актов. Среди них первоочередное значение имеют нормы Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [4], которым введены понятия экстремизма и экстремистской деятельности. Исходя из содержания ст. 1 данного закона, можно заключить, что понятие «экстремистская деятельность» равнозначно понятию «экстремизм». Это позволяет толковать слово «экстремизм» не только как юридический термин, обозначающий противоправное наказуемое деяние, но и как процесс, длящийся во времени.

К такой деятельности относится большое количество совершаемых в активной форме направленных намеренных действий. Понятие «экстремизм», согласно законодательству, трактуется как «насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации (в том числе отчуждение части территории Российской Федерации), за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; совершение преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ); использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, за исключением случаев использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения; публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование указанных деяний либо иное со-

действие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг» [4].

В настоящее время происходит процесс стремительной криминализации объективного состава экстремизма. Это означает, что включенный в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ список экстремистских действий постоянно переводят в уголовно-правовую плоскость, превращая их из противоправных действий в общественно опасные, наказуемые по нормам уголовного законодательства. Такой процесс ускоренной криминализации может быть охарактеризован как движение «экспансии» публичного уголовного права в сферу гражданского, административного и иного публичного права.

Данное обстоятельство приводит к тому, что существенно сокращаются меры и способы административно-правового воздействия на нарушителей антиэкстремистского законодательства, число таких нарушителей, которые сразу становятся уголовными преступниками. Этот подход законодателя нельзя признать оправданным и обоснованным, поскольку анализ состава криминального экстремизма показывает, что большинство экстремистских преступлений имеют вербально-лексический состав и квалифицируются только по признаку публичности без наличия реально наступивших общественно опасных последствий, то есть преступления являются формальными.

Сегодня экстремистские преступления в основном находят отражение в нормах главы 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» УК РФ [5]. Первым уголовно наказуемым составом экстремизма является ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» УК РФ. Под публичными призывами следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения к другим лицам с целью их побуждения к осуществлению экстремистской деятельности. При установлении направленности призывов необходимо учитывать положения рассматриваемого нами Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ.

Вопрос о публичности призывов должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки, иных обстоятельств дела (обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, размещение обращения в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая сеть Интернет, например, на сайтах, в блогах или на форумах, распространение обращений путем верной рассылки электронных сообщений и т. п.).

Преступление считается оконченным с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению экстремистской деятельности или нет [6]. Тем самым правоприменитель квалифицирует усеченный формальный состав данного преступления вне зависимости от вовлечения каких-либо лиц в совершение правонарушений экстремистской направленности. Состав публичных призывов заключается в их публичном распространении в устной, письменной, иной наглядной форме, доступной для восприятия. Формой публичного призыва является обращение. Цель таких призывов — побуждение к экстремистской деятельности, то есть к такой форме действий, которая подпадает под толкование ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ.

Итак, юридическая трактовка закона «замыкается» сама на себе: публичные призывы к экстремистской деятельности заключаются в обращениях с призывом

начать экстремистскую деятельность в публичной форме. Преступление квалифицируется вне зависимости от достижения поставленной цели. Если судить о том, какой обширный список видов экстремистской деятельности, которые могут быть высказаны публично и иметь форму обращения, основной целью Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, а также постановления Пленума Верховного Суда РФ и норм уголовного закона служит не борьба с экстремизмом, а полное «сворачивание» и нейтрализация публичного информационного поля, то есть установление полного контроля государства за информационным полем.

Статья 280.1 УК РФ содержит состав преступления в виде публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности России. Анализ объективной стороны этой нормы закона показывает, что данная статья юридически бессмысленна, введена необоснованно и дублирует норму ст. 280 УК РФ, то есть является ничем иным, как дублирующим редуцентом избыточной силы уголовной репрессии.

Так, ввиду ст. 280 УК РФ преследуются по уголовному закону публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. При этом в перечень экстремистской деятельности, согласно ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, входит насильственное нарушение территориальной целостности РФ (в том числе отчуждение части территории РФ). Иными словами, в состав ст. 280 УК РФ заведомо включен состав ст. 280.1 УК РФ, поскольку «действия, направленные на нарушение территориальной целостности» и есть насильственное нарушение территориальной целостности РФ ввиду того, что ненасильственное нарушение территориальной целостности РФ возможно лишь путем делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы РФ с сопредельными государствами.

Следовательно, насильственный состав действий по нарушению территориальной целостности границ РФ уже криминализован нормой ст. 280 УК РФ. Криминализация публичных призывов к ненасильственному нарушению территориальной целостности является нарушением свободы слова, что могло бы быть переведено в состав административно-правовой нормы с назначением административного наказания.

Декриминализация ненасильственных составов экстремизма должна обсуждаться научным и правоприменительным сообществом, поскольку состав такого преступления характеризуется как формальный, его квалификация не зависит от того, совершил ли кто-либо еще под воздействием таких призывов соответствующее экстремистское преступление. Фактически данный состав преступления криминализует публичность и ограничивает свободу слова в публичном информационном пространстве.

Е. В. Павлова [7] в своем исследовании приводит классификацию норм административного права, устанавливающих административную ответственность за следующие виды противоправных деяний:

- пресечение деятельности запрещенных или ликвидированных организаций, в отношении которых принято решение о приостановлении их деятельности;
- распространение экстремистской информации;
- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики.

В качестве родового объекта перечисленных правонарушений выступают общественная безопасность и общественный порядок.

Становится очевидным, что административное и уголовное законодательство имеют разночтения и не имеют общих границ в отношении объекта охраны от

экстремистской деятельности. Так, общественная безопасность и общественный порядок в уголовном законодательстве РФ охраняется нормами главы 24, что не соответствует тяжести и общественной опасности этих ненасильственных преступлений, связанных с распространением информации в публичном поле. При этом в Кодексе РФ об административных правонарушениях отсутствует такой объект охраняемых отношений, как конституционный строй и государственная безопасность, что создает существенный разрыв в юридическом толковании таких объектов, как «общественная безопасность» и «государственная безопасность».

Представляется, что в связи с изложенным подходом к квалификации административных правонарушений и уголовных преступлений в сфере экстремизма государственная безопасность не является общественной безопасностью и наоборот, общественная безопасность не является безопасностью государственной. Такое утверждение по своей сути неверно, создает существенные трудности при квалификации экстремистских деяний, поскольку при прочих равных ненасильственные экстремистские деяния квалифицируются уголовным составом, а административные правонарушения экстремистской направленности немногочисленны и квалифицируются как направленные против общественной безопасности.

Несмотря на то, что санкции административных статей антиэкстремистской направленности предусматривают наказания в виде штрафа, конфискации предмета административного правонарушения, административного ареста и приостановления деятельности, лишь небольшой перечень административных норм предусматривает ответственность за экстремизм. Большинство деяний экстремистского характера заведомо переведены в уголовно-правовую плоскость, минуя административный закон.

Для того, чтобы понять причину данного подхода к экстремистским деяниям, необходимо тщательно исследовать методы и принципы антиэкстремистского законодательства. Согласно ст. 2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ противодействие экстремистской деятельности основано на ряде принципов. К ним относятся:

- признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, а равно законных интересов организаций;
- законность;
- гласность;
- приоритет обеспечения безопасности России;
- приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности;
- сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами в противодействии экстремистской деятельности;
- неотвратимость наказания за осуществление экстремистской деятельности.

Интерес среди перечисленных принципов в большей степени представляют приоритет обеспечения безопасности РФ и приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности. Предупреждение преступлений и правонарушений осуществляется уголовными и административными способами правового воздействия. Необходимо определить, является ли предупреждение противоправных деяний целью и задачей административного или уголовного права либо общей целью и задачей обеих отраслей права.

Согласно ч. 1 ст. 3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях целью административного наказания служит предупреждение совершения новых правонарушений, как правонарушителем, так и другими лицами. В соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ наказание применяется в целях восстановления социальной

справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

Несмотря на то, что предупреждение является целью и уголовного, и административного законодательства, очередность их перечисления в указанных нами нормах закона может натолкнуть на вывод о том, что цели предупреждения в наибольшей мере соответствует именно административное законодательство. Уголовное право служит восстановлению социальной справедливости, то есть в наибольшей мере соответствует карательному назначению и функции права. В таком случае необоснованное пополнение уголовного законодательства антиэкстремистскими карательными законами не соответствует нормативно-правовому регулированию экстремизма и экстремистской деятельности как социально-правового феномена. Подобное искажение смысла закона может объясняться противоправной и антиюридической экспансией уголовного закона в административное право с искусственной подменой административно-правовых методов и способов воздействия уголовно-правовыми [8].

Кроме того, принцип гласности, указанный в ст. 2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, не соответствует прямому ограничению гласности и публичности в открытом информационном поле, на что направлены практически все уголовно-правовые антиэкстремистские нормы главы 29 УК РФ в отношении вербально-лексических преступлений ненасильственного характера. Принцип гласности, указанный в данной норме, не соблюдается, а законодательство используется с прямо противоположным принципом запрещения распространения информации.

Представляется, что наиболее критичным принципом, включенным в состав норм ст. 2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, является принцип приоритета обеспечения безопасности РФ, который получает существенное преобладание над следующим приоритетом — по предупреждению экстремистской деятельности. Полагаем, для декриминализации и существенного снижения уголовно-репрессивного напряжения в сфере ненасильственных экстремистских деяний необходимо исключить данный приоритет из принципов Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, заменив его приоритетом обеспечения общественной безопасности. Такое смещение правовых приоритетов будет полностью соответствовать предложенному нами в предыдущей работе подходу, согласно которому криминализироваться в наибольшей степени должны насильственные преступления против жизни и здоровья граждан, совершенные с экстремистскими мотивами на почве ненависти, вражды и розни.

Именно об этом говорится в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 28 июня 2011 г., согласно которому к числу преступлений экстремистской направленности относятся преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ (например, п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 1 ст. 213, статьями 280, 282 УК РФ), а также иные преступления, совершенные по указанным мотивам, которые в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ признаются обстоятельством, отягчающим наказание.

Изучение главы 20 Кодекса РФ об административных правонарушениях показывает, что административное законодательство в аспекте противодействия экстремистской деятельности не развито и не действует. В соответствии с данным Кодексом существуют лишь две нормы, устанавливающие административную ответственность в сфере противодействия экстремизму, — «пропаганда либо публич-

ное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами» (ст. 20.3) и «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния» (ст. 20.3.1).

С учетом того, что ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях предусматривает указанную оговорку, правоприменитель всегда более заинтересован в возбуждении уголовного дела по аналогичному объективному составу, так как ущерб, охраняемый законом, количественно в данном случае не определен, поскольку невозможно разграничить уголовно наказуемый состав количества возбужденной ненависти, вражды или унижения человеческого достоинства и аналогичный административный состав.

Законодатель ввел для нормы ст. 282 УК РФ обязательную административную преюдицию, в соответствии с которой уголовный состав ст. 282 УК РФ усматривается, если лицо привлечено в течение года к административной ответственности по ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Данная оговорка была направлена на то, чтобы снизить количество избыточно криминализованных экстремистских преступлений. Однако правоприменитель легко обошел эту норму, поскольку в действие была введена «универсальная» норма ст. 280 УК РФ, которая криминализует любое экстремистское высказывание, делает его уголовно наказуемым составом ст. 280 УК РФ и вне рамок ст. 282 УК РФ. До введения в действие ст. 280 УК РФ это было объективно невозможно. Таким образом, разрастание числа уголовных дел экстремистской направленности происходит в большей степени из-за нормы ст. 280 УК РФ.

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ в большей степени направлен на профилактические цели, меры предупреждения экстремистской деятельности и не ставит на первый план карательное воздействие. Поэтому действующая практика применения норм уголовного права, введенных в главу 29 УК РФ, представляется неверной. Как следует из состава ст. 3 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, первоочередным направлением противодействия экстремистской деятельности является принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности. Привлечение к уголовной ответственности за вербально-агитационные действия в сфере экстремизма не относится к профилактическим мерам, направленным на выявление и устранение причин, способствующих такой деятельности.

Согласно ст. 15 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ за осуществление экстремистской деятельности граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства несут уголовную, административную и гражданско-правовую ответственность в установленном законодательством РФ порядке. При этом уголовная ответственность за призывы к экстремистской деятельности наступает сразу.

Ранее главной антиэкстремистской статьей считали ст. 282 УК РФ, в соответствии с которой предусмотрена уголовная ответственность за действия, направленные на

возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично. Сегодня правоприменителю проще применить нормы ст. 280 УК РФ, которые не требуют обязательной административной преюдиции и могут быть квалифицированы лишь путем изучения публичной страницы того или иного пользователя в сети Интернет, поскольку интернет по умолчанию признается публичным информационным пространством.

С учетом лингвистической экспертизы, проведенной в отношении размещенных в открытом доступе материалов, нередко возбуждают уголовное дело, по которому практически ничего не нужно доказывать, поскольку теперь подозреваемый должен доказывать, что это не он размещал от своего имени данные материалы. Таким образом, нормы ст. 280 УК РФ, полагаем, препятствуют привлечению субъектов экстремистской деятельности к административной ответственности по ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях и позволяют обойти институт обязательной административной преюдиции.

Публичные призывы не нужно доказывать, в отличие от объективного состава ст. 282 УК РФ или ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях, поскольку к действиям, направленным на возбуждение ненависти, вражды и розни, с учетом п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 28 июня 2011 г. отнесены высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц. Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды.

Очевидно, что перечень наказуемых в уголовном или административном порядке деяний по ст. 282 УК РФ установить сложнее, чем публичные призывы, которые в соответствии с п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11 квалифицируются с момента первого провозглашения и не требуют установления того факта, чтобы кто-либо воплотил в реальность данные призывы. Публичные призывы и высказывания по своей сути являются лексическими формами совершения запрещенных деяний, но фактически ответственность наступает за слова, выраженные в той или иной форме. Если призывы могут и не призывать к насильственным действиям, то в случае состава ст. 282 УК РФ и ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях такие высказывания должны призывать именно к насильственным действиям на почве ненависти, вражды и розни. Состав этих статей более общественно опасен, но применяется то, что проще в применении, то есть нормы ст. 280 УК РФ, не требующие доказывания со стороны следствия.

Кроме того, существует и реальный, неформальный состав ст. 282 УК РФ, к которому относится его оконченность. Согласно п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11 предусмотренное ч. 1 ст. 282 УК РФ преступление считается оконченным с момента совершения хотя бы одного действия, направленного на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам их принадлежности к определенному полу, расе, национальности, языку или в зависимости от происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе.

Изложенное выше говорит о том, что экстремистское преступление очень сложно в настоящее время квалифицировать по ст. 282 УК РФ, поскольку это требует соблюдения целого ряда обязательных условий: 1) должна быть соблюдена обязательная административная преюдиция по ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях; 2) действия, направленные на возбуждение вражды, ненависти и розни, должны привести к совершению хотя бы одного экстремистского преступления по любой из статей соответствующего состава УК РФ. С учетом периода (одного года), в течение которого все эти условия должны быть соблюдены, можно заключить, что уголовная ответственность по ст. 282 УК РФ практически невозможна. Очевидно, что в таких условиях правоприменитель, конечно, будет пользоваться той нормой, где возможность доказывания сведена на нет. В таких условиях применение ст. 280 УК РФ следует связывать с обязательной административной преюдицией, чтобы применение административного законодательства носило предупредительный характер. Карательная функция впоследствии реализуется путем применения уголовного закона, если административное наказание не повлечет необходимого результата.

Скупость мер административно-правового воздействия приводит к тому, что уголовное законодательство применяется в большинстве случаев. Фактически единственным самостоятельным административным составом антиэкстремистского характера является ст. 20.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях за пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской или иной атрибутики, запрещенной законом.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что нормы ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях о возбуждении вражды, ненависти и розни применяются в случаях, аналогичных случаям правоприменения ст. 280 УК РФ, связаны с публичными высказываниями и публичными призывами экстремистского характера. Иными словами, характер и практика применения норм ст. 280, 282 УК РФ, ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях аналогичны, направлены на противодействие одному и тому же запрещенному общественному явлению.

Рассмотрим один из примеров. Постановлением Заводского районного суда г. Новокузнецка от 29 апреля 2020 г. признана виновной М. Ю. Шатохина. Ей назначено наказание в виде административного штрафа в размере 10 тыс. руб. Состав административного правонарушения по ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях заключался в том, что привлекаемое лицо разместило в социальной сети «ВКонтакте» комментарий от 5 июля 2019 г., выражающий, согласно заключению специалиста экспертного подразделения Управления ФСБ России по Кемеровской области — Кузбассу от 14 февраля 2020 г. (обезличено), высказывание, направленное на возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение человеческого достоинства в отношении группы лиц, выделенной по признаку национальности (таджики), а именно: высказывания («Привыкли у себя на родине вырезать — <...>, а теперь людей режут?»), в которых группа лиц, выделенная по признаку национальности (таджики), характеризуется как враждебная, представляющая опасность для других групп лиц или иных представителей; высказывания («шлак в виде таких персонажей», «животные», «с гор спустились, срали там, ослов тыкали под хвост»), содержащие унижительные и оскорбительные характеристики в отношении группы лиц, выделенной по признаку национальности (таджики).

Судом при квалификации данного деяния применены не только нормы Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, ст. 29 Конституции РФ, ст. 20.3.1

Кодекса РФ об административных правонарушениях, но и нормы п. 6 ст. 10 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [9]. Согласно последнему установлен запрет распространения информации, направленной на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность.

Итак, интернет был признан одним из видов средств массовой информации для установления публичности высказывания. В данном случае привлекаемое лицо не призывало других пользователей ни к чему, а лишь высказало субъективное мнение. Поэтому деяние квалифицировали как публичное высказывание, а не публичный призыв, и производство осуществлялось в административном порядке.

Рассмотрим еще один пример из судебной практики. Постановлением Октябрьского районного суда г. Архангельска от 29 апреля 2020 г. назначен административный штраф в размере 10 тыс. руб. в отношении В. В. Кабанькова, привлеченного к административной ответственности по ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях за комментарии в социальной сети «ВКонтакте» следующего содержания:

- https://vk.com/id138777257_3665 от 10 сентября 2018 г. «Россия гнать... и воров»;
- https://vk.com/id138777257_3512 от 8 сентября 2018 г. «За КПРФ хватит ждать манну небесную от ... и ... пора страну восстанавливать»;
- https://vk.com/id138777257_3446 от 6 сентября 2018 г. «Вот оно как а мы просто а ... воруют а мы молча смотрим»;
- https://vk.com/id138777257_1086 от 3 июля 2018 г. «... .. и вы еще думаете что он будет заботиться о вас?...»;
- https://vk.com/id138777257_907 от 23 июня 2018 г. «Только вместе мы можем изгнать и посадить в тюрьму ... и поверьте сразу заживем по-человечески»;
- https://vk.com/id138777257_4703 от 26 сентября 2018 г. «К ногтю евреев»;
- https://vk.com/id138777257_3646 от 15 сентября 2018 г. «За... ваш Путин Еврей»;
- https://vk.com/id138777257_3670 от 10 сентября 2018 г. «Еврей ...»;
- https://vk.com/id138777257_3056 от 29 августа 2018 г. «... еврей»;
- https://vk.com/id138777257_914 от 24 июня 2018 г. «Пошли на... и воров».

Данные комментарии признаны, согласно акту экспертного исследования от 18 июля 2019 г. № 304-305/1-5, содержащими психологические и лингвистические признаки возбуждения вражды (ненависти, розни) по отношению к группе лиц, выделяемой по признаку национальности (евреям), психологические и лингвистические признаки унижения человеческого достоинства по признаку национальности (еврей), что было квалифицировано как административное правонарушение, предусмотренное ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Судом применены аналогичные нормы законодательства, как и в первом примере из судебной практики. Социальная сеть признана одним из видов средств массовой информации, в связи с этим квалифицирована публичность. Привлекаемое лицо не присутствовало в судебном заседании, но судом фактически применена презумпция заведомой виновности пользователя социальной сети, согласно которой страница признана заведомо принадлежащей именно привлекаемому лицу, поскольку им не представлены доказательства обратного. Как указал суд в

постановлении, принадлежность страницы «В. Кабаньков» (<https://vk.com/<адрес>>) в социальной сети «ВКонтакте» в сети Интернет В. В. Кабанькову подтверждается сведениями из ООО «ВКонтакте» от 24 октября 2019 г. [10].

Подобный подход позволяет без труда привлекать к административной ответственности лиц, подозреваемых в экстремистской деятельности. Очередным действием может стать возбуждение в отношении них уголовного дела за следующий комментарий или высказывание в социальной сети. При этом скриншот (снимок социальной страницы пользователя) может быть единовременным, то есть один и тот же скриншот сначала используется для установления административной преюдиции по ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях, а затем последующий по времени комментарий или же размещенный материал является основанием для возбуждения уголовного дела по ст. 282 УК РФ, если он не содержит признаков преступления ст. 280 УК РФ.

Следует отметить, что условие обязательной административной преюдиции к ст. 282 УК РФ привело к резкому сокращению возбужденных уголовных дел по данному составу. Данное требование введено нормой Федерального закона от 27 января 2018 г. № 519-ФЗ [5]. В итоге с 2018 г. в судебной практике практически не фигурируют уголовные дела, возбужденные по ст. 282 УК РФ. До введения в действие этой нормы уголовные дела по ст. 282 УК РФ возбуждались так же часто и по таким же признакам размещения в социальных сетях различных комментариев, как это происходит сегодня в отношении состава ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Так, из материалов судебной практики усматриваются практически стереотипные приговоры судов городов Кемерово (1 марта 2017 г.), Саратова (27 февраля 2017 г.), Москвы (25 мая 2016 г., 22 августа 2015 г.), в которых наблюдается одинаковый объективный состав преступления по ст. 282 УК РФ в прежней редакции, не требующей административной преюдиции по ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях РФ в форме размещения комментариев в социальной сети «ВКонтакте», направленных на возбуждение вражды и ненависти по различным экстремистским признакам и основаниям [11].

Ввиду этого можно установить, что криминальный состав экстремистского преступления в настоящее время определяется не общественной опасностью деяния, а простотой возбуждения и доказывания состава преступления. Следовательно, нормы антиэкстремистского законодательства применяются не в целях предупреждения и пресечения, а в целях облегчения карательной практики применения уголовного закона. В связи с этим, полагаем, в состав Кодекса РФ об административных правонарушениях необходимо ввести норму административной ответственности за деяние, аналогичное по составу ст. 280 УК РФ, а в нормах ст. 280 УК РФ целесообразно установить обязательную преюдицию. Статья 280.1 УК РФ должна быть декриминализована, поскольку она фактически дублирует ст. 280 УК РФ.

В процессе анализа судебной практики относительно ст. 280 УК РФ, становится понятным, что она имеет вербально-лексический состав, то есть подсудимые привлекаются к уголовной ответственности не за реальные действия, а за слова. Представляется, что особенно значимую оговорку, которая в экспоненциальной степени увеличивает количество возбужденных по ст. 280 УК РФ уголовных дел, содержит п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11. Данный пункт гласит, что преступление, предусмотренное ст. 280 УК РФ, считается оконченным с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению экстремистской деятельности или нет.

Такая оговорка является прямо противоречащей цели, смыслу назначения и букве уголовного закона, в соответствии с которым не допускается объективное вменение, то есть криминализация состава преступления без установления его субъективной стороны, умысла, формы и вины и т. д. Преступление, предусмотренное ст. 280 УК РФ, состав которого содержит даже не действие, а слово, агитацию, перечень и круг которой очень широк и неограничен. К тому же нормы Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ относят очень широкий спектр высказываний к разряду экстремистской деятельности, правоприменителем предлагается на полностью законных основаниях считать совершенным умышленно уже с момента первого публичного призыва.

Приведенное выше положение не может считаться правомерным, поскольку оно направлено на ограничение публичного поля, существенное сокращение свободы слова. Криминализуется призыв с первого момента его обнародования, при этом без наступления каких-либо общественно опасных последствий. Так, ст. 282 УК РФ, которая криминализовала ранее исключительно ненасильственные деяния в вербально-лексической форме, предполагала, что уголовная ответственность у субъекта может наступить лишь в случае, если кто-то будет руководствоваться совершенными действиями, направленными на возбуждение ненависти, вражды и розни. Иными словами, даже ст. 282 УК РФ предполагала реальный состав.

Ст. 280 УК РФ не требуется реальный состав, квалификация умысла, то есть преступление заведомо считается умышленным с момента провозглашения первого призыва. Значим тот факт, что, в отличие от преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, или правонарушения, предусмотренного ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях, при публичных призывах, признаваемых нормами Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ экстремистскими, не во всех случаях происходит возбуждение вражды, ненависти и розни. К примеру, не является направленным на возбуждение ненависти или вражды такая экстремистская деятельность, как воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения (ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ).

Кроме того, Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ допускает юридические коллизии и прямое смешение, наложение административного права на уголовное и наоборот. Так, состав ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях характеризуется экстремистской деятельностью (использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, за исключением случаев использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии).

Все это приводит к тому, что административно-правовые меры воздействия негативного характера применяются в равной мере одинаково и против совершивших административное деяние, и против совершивших преступление экстремистской направленности. Закон не делает дифференциации, в специальный перечень занесены экстремисты и те, кто привлечен по ст. 20.3.1 Кодекса РФ об

административных правонарушениях за демонстрирование свастики, те, кто оправдывал особо опасные террористические акты или призывал к их совершению. И тем, и другим субъектам блокируют банковские счета, препятствуя им распоряжаться своими денежными средствами. Это, по нашему мнению, нецелесообразно, поскольку отсутствие различий говорит о механистичности избираемого подхода, его «машинности», даже если с юридической стороны это допустимо, о «тупости» и «слепоте» закона, не видящего границ и различий между административным и уголовным правом. В контексте темы экстремизма данная проблема наиболее остра.

Литература

1. *Границкий Р. Б.* Административно-правовые средства предупреждения правонарушений в общественных местах (по материалам ОВД Дальневосточного региона): дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2011. 192 с.
2. *Павлова Е. Н.* Предупреждение преступлений, совершаемых на почве наркомании, административно-правовыми мерами: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. 207 с.
3. *Горскина О. Г.* Административная ответственность за мелкое хулиганство: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011. 175 с.
4. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Российская газета. 2002. 30 июля.
5. О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ // Российская газета. 2018. 29 декабря.
6. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 28 июня 2011 г. // Российская газета. 2011. 4 июня.
7. *Павлова Е. В.* Административная ответственность за правонарушения экстремистской направленности как профилактическая мера в борьбе с терроризмом // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2016. № 1. С. 186–193.
8. *Бородин В. В., Дондоков Ц. С., Михайлова О. Г.* Исторические и социальные аспекты политического экстремизма // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 1 (29). С. 79–85.
9. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Российская газета. 2006. 29 июля.
10. Постановление Октябрьского районного суда г. Архангельска от 29 апреля 2020 г. по делу № 5-404/2020 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5Xo3GIAeyoYQ> (дата обращения: 09.01.2021).
11. Приговоры судов по ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» УК РФ [Электронный ресурс] // Sud-praktika.ru. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/category/105.html> (дата обращения: 09.01.2021).

Контактные данные:

Бородин В. В.: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;
(812) 451-19-10; e-mail: borodindis@mail.ru.

Фурман Ф. П.: 198035, Санкт-Петербург, Двинская ул., д. 5/7;
(812) 748-96-50; e-mail: furman-feliks@yandex.ru.

Contact Details:

Borodin V. V.: 44/A, Lermontovskiy Ave., St. Petersburg, 190103, Russia;
(812) 451-19-10; e-mail: borodindis@mail.ru.

Furman F. P.: 5/7, Dvinskaya Str., St. Petersburg, 198035, Russia;
(812) 748-96-50; e-mail: furman-feliks@yandex.ru.